

Е. М. Штаерман

РАБСКИЕ КОЛЛЕГИИ И ФАМИЛИИ В ПЕРИОД ИМПЕРИИ

Роль фамилии как основной ячейки рабовладельческого общества в ранние века существования Рима достаточно засвидетельствована в источниках и выяснена в литературе. Менее ясна ее судьба во времена империи. Между тем этот вопрос чрезвычайно важен для уяснения процесса развития и углубления кризиса рабовладельческого строя. Какие изменения произошли в самых его основах, каково было отношение различных социальных слоев к этим изменениям, какова была политика императорского правительства, как отразились эти изменения в возникших современных идеологических течениях — вот вопросы, которые возникают при изучении истории империи. При попытке дать на них ответ мы, как и в целом ряде других случаев, встречаем препятствие в скудости источников.

Состояние источников, а также слабый интерес буржуазных историков к положению широких народных масс обусловили слабую изученность этой темы в буржуазной историографии Запада. Больше внимание уделялось ей в русской историографии. Ее затрагивают П о м я л о в - с к и й¹, К у л а к о в с к и й², Ш е н в и ц³, М у х и н⁴. Однако эти авторы, придавая слишком большое значение влиянию идей стоицизма и христианства на изменения в положении рабов, не обращают внимания на те новые экономические и социальные условия, которые обусловили появление новых идей. Тем не менее в их работах собрано много интересных фактических данных и указаний на роль правительства в изменениях взаимоотношений *pater familias* с зависимыми от него лицами.

В последнее время чрезвычайно ценные и плодотворные наблюдения по интересующей нас теме сделал Н. А. Машкин. Он впервые представил мероприятия Августа относительно рабов, семьи, культа как единую цельную программу, направленную на укрепление фамилии как основы рабовладельческого общества. Таким образом, получило должное освещение взаимоотношение социально-экономического базиса и идеологической надстройки⁵. В настоящей статье я хочу попытаться, по возможности, выяснить, каково было положение фамилии в дальнейшем, после Августа.

¹ «Эпиграфические этюды», 1873.

² «Коллегии в древнем Риме», Казань, 1884; «Коллегии в среде рабов в Римской империи», ЖМНП, 1882, т. 221, стр. 254 сл.

³ «Власть римского домовладыки», Москва — Варшава, 1914.

⁴ «Положение рабов в римском государстве», Казань, 1916.

⁵ Н. А. М а ш к и н, Принципат Августа, М., 1949.

По всей видимости, переломным моментом в истории римского рабства можно считать вторую половину I в. Все свидетельства Сенеки, Петрония, Тацита, Плиния Старшего об огромных массах рабов, находящихся во владении частных лиц, так же как и надписи из колумбариев Волусиев и Статилиев, относятся к первой половине этого столетия. Затем количество рабов уменьшается. В буржуазной литературе твердо укрепилось мнение, что причиной уменьшения числа рабов явилось прекращение войн и притока рабов извне. Для историка-марксиста не подлежит сомнению, что определяющим являются не внешние факторы, а внутреннее развитие кризиса рабского способа производства. Ярким подтверждением этому может служить то обстоятельство, что победоносные войны Траяна не оказали, по видимому, значительного влияния на увеличение числа рабов или на изменение цен на них. В этом плане сравнение результатов войн Траяна с результатами войн республиканского периода, когда крупные победы сразу увеличивали приток рабов и понижали их стоимость, очень показательно.

К этому же переломному моменту конца I — начала II в. относятся и известные свидетельства К о л у м е л л ы и П л и н и я М л а д ш е г о о развитии колоната. Судя по некоторым надписям, во II в. колонат был уже весьма распространен. Особенно характерна одна из этих надписей (CIL, XI, 911) — эпитафия, в которой умершая обращается к «благочестивому землевладельцу или колону» с просьбой не дать ее могиле зарости лесом и желает им богатых даров Цереры и Бромия. Очевидно, possessor и colonus были основными фигурами сельского хозяйства. Но все-таки у крупных владельцев еще оставалось значительное число рабов для домашних услуг, для управления теми же виллами и т. д. В III в. сокращается, по видимому, число рабов и этих категорий, что видно, например, из данных SHA о содержании чиновников и полководцев, получаемом от государства: обычно они получали лишь 3—4 рабов для услуг.

Что касается провинций, то там, за исключением Африки, рабов всегда было значительно меньше, чем в Италии. Об этом свидетельствует и меньшее число надписей с упоминанием рабов и большее количество надписей свободных ремесленников, и тот теперь общепризнанный факт, что гончары, изготовлявшие галльскую terra sigillata, были свободными, в отличие от знаменитых итальянских мастеров, которые почти все были рабами.

Кроме общего уменьшения числа рабов, происходит, по видимому, и концентрация имеющихся рабов в руках императоров, о чем говорит большое число надписей императорских рабов; рабы переходили к императорам при конфискации имущества их господ. Пертинакс и Септимий Север издали ряд постановлений об этих рабах (CI, VI, 3, 8). Но процесс концентрации начался гораздо раньше. Судя по клеймам на кирпичах и черепицах (CIL, XV, fasc. 1), крупные керамические мастерские, находившиеся в I в. в частном владении, со времени Домициана и при Антонинах постепенно переходят к императорам, которые эксплуатируют их при помощи своих рабов или сдают в аренду вольноотпущенникам, применяющим труд рабов или наемных рабочих. Вероятно, и некоторые другие отрасли промышленности претерпели такую же судьбу, что и привело к последующему созданию крупных императорских мануфактур и монополий. Однако постепенно уменьшается и число императорских рабов. Биограф Александра Севера Л а м п р и д и й пишет, что этот император отказался от услуг свободных людей, пользовался трудом только рабов и был поэтом вынужден прикупить некоторое количество, так как имеющихся не хватало (Vit. Alex., XXIII, 3).

В это же время в связи с кризисом рабовладения возрастает отпуск рабов на волю. Кроме прочих причин, здесь, возможно, сказалось растущее

обеднение и задолженность мелких, средних, а иногда и крупных владельцев. Юристы неоднократно упоминают о противозаконных манумиссиях, произведенных для обмана кредитора и фиска, о завещаниях, по которым отпускаемый на волю раб получал свободу вместе с наследством, обремененным долгами. В таком случае отпущенник не мог отказаться от наследства и должен был вместо покойного или его сына нести бремя бесчестия, связанного с продажей имущества за долги, и помогать сыну патрона (C I, VII, 11, 2; G a i., Inst., II, 152—154; S c a e v., fragm. 16).

Но как бы ни изменялось число рабов, сопротивление их не уменьшалось. Отдельные вспышки восстаний рабов известны для I в. н. э.; в III в. рабы массами уходят в разбойничьи отряды; часто рабы, несмотря на ожидавшее их ужасное наказание, убивали своих господ. С е н е к а говорит об этом, как о чем-то весьма обыденном (Eр. ad. Luc. IV, 117), П л и н и й М л а д ш и й в своей переписке упоминает о трех таких случаях (Eрр., III, 14; VI, 25; VIII, 14). Тот же Сенека часто указывает на постоянную угрозу доноса со стороны рабов. Чаще всего рабы доносили о преступлениях против закона Юлия, об оскорблениях величества, заговорах, колдовстве. И так, раб становился все менее рентабельным и все более опасным для рабладельцев. Последние, пытаясь найти выход из этого положения, предлагали различные меры.

Когда в сенате обсуждалось дело о казни фамилии убитого рабами Педания Секунда, против смягчения наказания выступил Кай Кассий, кстати сказать, незадолго до этого с такой суровостью подавлявший мятеж в ПUTEОЛАХ, что его пришлось отозвать из этого города (T a c., Ann., XIII, 48). В своей речи он доказывал, что если ослабить строгость к рабам, то господин останется совершенно незащищенным среди их враждебной массы. Интересно, что эта крайне реакционная программа принадлежала одному из «последних республиканцев», хранившему у себя портрет своего предка Кассия, убийцы Цезаря. Этим «республиканцам» была чужда гибкость в отношении покоренных, безразлично провинциалов или рабов, и политика их в чистом виде становилась неприемлемой в новых условиях. Характерно, что Кассий в своей речи подчеркивает различие между рабами предков, которые рождались в доме господина, и иноплеменными (nationes) рабами его времени (T a c., Ann., XIV, 44). Этот мотив развивается и другими авторами. П л и н и й С т а р ш и й, говоря о вошедших в употребление печатях на перстнях, восклицает: «О, какова была жизнь предков! Какая невинность, при которой ничего не запечатывалось! А теперь даже пища и питье запечатываются от кражи. Это сделали легионы рабов [manserunt, этот термин употреблен, повидимому, в противоположность verna] и чужеземные толпы в доме... по-иному было у древних...» (NH, XXXIII, 6). Эти слова Плиния органически связаны с его взглядами на прошлое Рима. Он восстает не только против роскоши, но и против излишних затрат на обработку земли. Последнее он непосредственно связывает с недопустимостью обрабатывать землю при посредстве закованных рабов, «так как все, что делают отчаявшиеся люди, будет наихудшим» (NH, XVIII, 7). Эти слова Плиния показывают, что рабовладельцы I в. отчасти осознавали причины кризиса и пытались бороться с ним более или менее сознательно. Этим, вероятно, объясняется и тот факт, что во время дакийских войн не производилось массовых обращений в рабство. Ленин, давая критику выдвинутого буржуазными экономистами «закона убывающего плодородия почв», писал, «что неизменной основой техники ставит очень узкие сравнительно пределы добавочным вложениям труда и капитала»¹. Именно так и обстояло дело в рассматри-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 93.

ваемую нами эпоху. При застойности техники дальнейшее увеличение количества рабов уже не могло повысить доходности италийских имений, и Италия попадает все в большую зависимость от провинций, где к тому времени кризис еще не зашел так далеко. Технические усовершенствования не могли быть применены в условиях рабовладельческого строя. Поэтому Колумелла ищет выхода в попытках заинтересовать рабов поощрениями и наказаниями, а Плиний прямо протестует против увеличения числа рабов (NH, XVIII, 7).

Тот же комплекс идей мы находим у Ювенала. Нападая на современные нравы, роскошь, разврат, толпы изнеженных греческих и восточных рабов, он рисует картину доблестного прошлого, когда солдат-завоеватель возвращался на свое маленькое поле, которое кормило его и его домочадцев, когда в его хижине играли трое его собственных детей вместе с рожденным в доме маленьким рабом (*vernula*) (I u v., Sat., XIV, 156 сл.). Такая же скромность, говорит он, сохранилась и в италийских городах, выгодно отличающихся от Рима; там рабы также говорят по-латыни, как и их хозяева (Sat., XI, 145 сл.).

Рабовладельцы, придерживавшиеся таких взглядов, искали выхода в ограничении числа рабов, в возвращении к старым отношениям небольшой патриархальной фамилии, когда ее глава мог легко держать в руках всех своих подданных. Эти взгляды лежали в основе осуждения современности и возвеличивания *mores maiorum*, а также в основе требований, неоднократно предъявлявшихся правительству в I в. об издании новых законов против роскоши, которые должны были, между прочим, нормировать и количество рабов в частном владении. Однако многие возражали против этой точки зрения, ссылаясь на то, что обстоятельства изменились (Tac., Ann., II, 33; III, 53—55).

В этом смысле неоднократно высказывался и Сенека, который, при всем уважении к предкам, указывал, что их нравы и обычаи не являются абсолютной нормой (Ерр. 13 и 85). Он же первый из римлян развивает стоическую теорию об отношении к рабам. Надо заметить, что его идеи, изображаемые в современной буржуазной литературе как плод чистого альтруизма и гуманности, на самом деле имели самую практическую основу. Он не восстает против рабства вообще или против наказаний рабов, но он увещевает господ не озлоблять рабов свыше меры, чтобы не толкнуть их на какие-нибудь отчаянные поступки, на насилие над господами, на доносы против них. По существу, это та же мотивировка, которую приводит Колумелла, советуя особенно внимательно относиться к рабам, заключенным в эргастулы, чтобы не довести их притеснениями до мятежа, а с остальными рабами обращаться, по возможности, снисходительно, чтобы заставить их лучше работать. Но если у Колумеллы основной упор делается на экономику, то у Сенеки его взгляды на рабов являются частью его общих социально-политических взглядов. Они были отражением тех мероприятий, которыми императоры пытались ослабить кризис, создавшийся в конце республики. Создание мировой империи и формальная забота о благополучии провинций сказались в учении об единстве человеческого рода. Новые методы эксплуатации раба заставили провозгласить его человеком, равным свободному. Стремление подавить всякое сопротивление во всех объектах эксплуатации, будь то провинциалы или рабы, сделало особенно актуальными идеи социального мира, полного растворения индивида в целом — гражданина в городе, раба в фамилии, подданного в империи. Всякий ропот, гнев, протест против внешней несправедливости объявлялись недостойными мудреца, познавшего добродетель. Зато совершенствоваться в добродетели великодушно позволялось и даже рекомендовалось не только свободнорожденным римлянам,

но и peregrinam, варварам и рабам. Недаром Сенека говорит, что философы не только не сеют мятежных идей, в чем обвиняют их некоторые, а напротив, они-то именно и готовят мир и повиновение (Ерр. 73 и 5). В этом смысле он не видит принципиального различия между рабами и свободными; первые повинуются господину — *pater familias*, вторые императору — *pater patriae* (*de clem.*, I, 13). «Гнев губителен для раба, возмущение лишь увеличивает тягость рабства... иго меньше ранит покорную, чем мятежную голову, единственным облегчением может быть лишь послушание необходимости и терпение» (*de ira*, III, 16). Это для рабов, а для свободных, для вельмож — «надо спокойно сносить оскорбления могущественных... все знают ответ человека, состарившегося при дворе царей, которого спросили, как он достиг такого преклонного возраста, вещь редкая в таких условиях, — получая оскорбления и принося благодарность» (*de ira*, II, 33; Ер. 14). Но и господин в семье, так же как император в государстве, не боясь в случае необходимости покарать виновного, не должен забывать о справедливости и милосердии не только по отношению к свободным, но и к рабам в своем доме (*de vit. beat.*, 24). Тирана на троне и в семье осудят потомки, а современники могут ему жестоко отомстить, так как даже самый маленький и униженный человек может быть полезен или губителен для самого могущественного (Ер. 47; *de clem.*, I, 13; *de ira*, II, 11).

Так утверждается идея фамилии как республики в миниатюре и государства как большой фамилии; главы семьи как магистрата и императора как отца отечества. Для членов и глав и того и другого устанавливаются одинаковые нормы поведения, нормы, которые должны обеспечить осуществление главного лозунга эпохи — социального мира. Сенека, с одной стороны, ставит в пример патриархальные отношения древней фамилии, где рабы назывались *familiares*, но, с другой, — восстает против полного подавления личности членов фамилии властью отца (*de benef.*, III, 18—28; Ер. 47). В конце концов его главная аргументация сводится к тому, что тот раб, которому господин не зажимает дома рот, молчит на пытке, а тот, которого хозяин карает за каждое вольное слово, охотно поносит его за спиной и рад предать его при всяком случае (Ер. 47). Он предвидит, что его обвинят в попытках подорвать авторитет отца и господина, но, по его словам, он этот авторитет не подрывает, а только старается показать отцу, господину и царю, что его власть будет прочна, если в основе ее будет лежать не страх, а уважение и преданность, если раб будет относиться к господину, как клиент к патрону (Ер. 47).

Для современников Сенеки эти идеи были еще новы и не очень приемлемы. Он сам полемизирует с неизбежными возражениями. Петроний пытается высмеять их, вкладывая их в уста Тримальхиона, который к концу пира приглашает домашнюю фамилию усестись с гостями за стол и произносит тираду о человеческих правах рабов (*S a t.*, 71). Возможно, что Петроний хотел здесь посмеяться над учеником Сенеки Нероном, которого некоторые считают прототипом Тримальхиона. Однако во II в. стоицизм становится почти официальной идеологией, между прочим и в части, касающейся рабов. Совершенно неправильно было бы думать, что так называемые «гуманные» стоические идеи в какой-либо мере способствовали действительному изменению отношения рабовладельцев к рабам. Очень характерен в этом смысле Плиний Младший. Он неоднократно говорит о своем гуманном обращении с рабами, оплакивает их болезни и смерть, но когда рабы убили Ларгия Македона, по свидетельству самого Плиния, грубого и жестокого господина, сына отпущенника, забывшего, что его отец сам некогда был рабом, он разражается негодующими тирадами и призывает к страшной мести (Ерр, III, 14).

Стойческие теории предназначались для господ, которых они должны были научить охранять свою безопасность, и для рабов, в которых они должны были убить способность к сопротивлению. И они действительно проникают в среду рабов и бедняков. Имеется ряд надписей рабов и отпущенников, в которых они говорят о своей скромности, почтительности и повиновении господам и патронам¹. Данные об этом имеются и в баснях раба Федра, Флавия Авиана (время Антонинов), и в собраниях изречений, приписывавшихся мимोगрафу отпущеннику Публию Сиру и Дионисию Катону (автору II в.). Ф е д р учит в своих баснях, что со сменой принцепса для бедняка ничего не меняется, кроме имени господина (I, 15), что маленькие люди (*humiles*) всегда страдают от борьбы сильных (I, 30), что против сильного никто не защищен (II, 6), что скромное положение надежнее высокого, особенно во время всяких смут и потрясений (II, 7; IV, 6), что не следует стремиться к тому, что не дано (III, 18). Те же мотивы мы видим у А в и а н а — бедный должен опасаться общества богача и верить лишь равному (XI), тщетны попытки сопротивляться сильному, его можно обезоружить только кротостью (XVIII), не надо желать большего, чем имеешь (XXV), маленькие люди, находясь под властью знатных, могут только потихоньку оплакивать свою судьбу (XLI).

В изречениях, приписывавшихся Публию Сиру, были, видимо, собраны различные ходячие изречения и поговорки, как, например: «хуже раба господин, боящийся своих рабов»; «обратиться к низшему — значит предать себя»; «кто ведет себя в рабстве умно, получает долю в господстве»; «кто раб против воли, несчастен и все же раб»; «если ты повинешься против воли, ты раб, если охотно — помощник (*minister*)»; «согрешить ради господина значит проявить добродетель». Довольно любопытны нравоучительные двустишия Д и о н и с и я К а т о н а, очевидно, предназначенные для средних классов. Здесь и советы бережно расходовать и, по возможности, увеличивать свое имущество (II, 39; III, 9; 12), и советы прилично, хитро вести себя с высшими (II, 18; IV, 39) и вместе с тем снисходительно относиться к своим рабам, не пренебрегать их советами, помнить, что и они люди (I, 37; III, 11; IV, 44).

Однако как ни старался господствующий класс привить угнетенным классам идеи покорности, уважения и безропотного подчинения, идеи отказа от борьбы и стремления к лучшему, ему не удавалось ни оградить себя от отдельных стихийных выступлений, ни воспрепятствовать появлению других идей. Следы их мы встречаем у тех же писавших для народа баснописцев, и, вероятно, за них-то и претерпел Ф е д р те преследования, на которые жалуется в прологах к своим книгам. Это, во-первых, басни, мораль которых учит мстить за обиды (I, 26) и показывает, что самый маленький человек при уме и настойчивости может отомстить самому могущественному (*Phedra*, I, 28; *Aviana*, XXXI); затем басни, доказывающие, что самая жалкая свобода прекраснее самого благополучного рабства (*Phedra*, III, 7; *Aviana*, XXXVII), и, наконец, басни о труде. Одна из них принадлежит Федру и повествует о суде между пчелами и трутнями, которые предъявили свои права на сделанный пчелами мед. Судья, подвергнув тяжущихся испытанию и увидя неспособность трутней, присудил мед пчелам. «Я бы, — заключает Федр, — обошел эту басню молчанием, если бы трутни не нарушили свою верность договору» (III, 13). Авиан рассказывает о крестьянине, который, заведя в трясину запряженных в плуг быков, просил Геракла вытащить их. Но Геракл отвечал, что придет к нему на помощь, только убедившись, что он истощил все усилия,

¹ См. Е. М. Штаерман, Отражение классовых противоречий II—III вв. в культуре Геракла, ВДИ. 1949, № 2, стр. 64.

пытаюсь помочь себе сам. «Научись же, — говорит автор, — не обременять богов обетами ленивых, боги помогают лишь тому, кто сам трудится» (A v i a n., XXXII). Геракл — божество низших классов — становится символом активной морали и величия простого труда¹. У Федра встречается также мысль, что право на продукты труда имеют только труженики. Так в среде рабов и низших классов зарождается известное классовое самосознание, сознание своего превосходства, как тружеников, которое впоследствии развивается у крайних киников в форме нападок на изнеженных бездельников, чающих найти спасение в мистериях в противоположность трудящимся, которые обретут награду за труд. Так рождается и новое отношение к труду, противопоставленное античному презрению к нему. Постепенно оно проникает и в другие слои общества. Тот же Д и о н и с и й К а т о н в своих двустихиях поучает: если у тебя есть дети и нет богатства, научи детей ремеслам, чтобы они могли отстаивать скудную жизнь (I, 28); избегай праздности, которая несет с собой недостойную жизнь (III, 6); изучи какое-нибудь ремесло, так как, если вдруг Фортуна отойдет от тебя, оно поддержит всегда твою жизнь (IV, 19); упражняйся в науке и избранном ремесле, так как и уму и рукам помогает упражнение (IV, 21). Эти идеи воспринимаются средними классами под влиянием ухудшения их экономического положения и неуверенности в будущем. Они распространяются вместе с кинизмом и христианством. Впоследствии выходец из среды муниципальной аристократии, платоник Апулей неоднократно в своих «Флоридах» и «Апологии» будет превозносить киников, в частности Кратеса, а Авл Геллий высоко оценит осмеянного Лукианом киника Перегрин (Noct. Att., XII, 11). Таким образом, мы видим, что ни применение открытой силы, ни попытки вернуться к «нравам предков», ни проповедь социального мира и непротivления не могли заставить рабов отдавать все свои силы на обогащение господ, не могли окончательно подавить их активное и пассивное сопротивление.

Правящие классы ищут все новых путей и компромиссов. В экономике это стремление отразилось в росте и укреплении рабского пекулия, вольноотпущенничества и в развитии колоната. В социальном отношении оно привело к некоторому переустройству внутри самой фамилии. Надо было найти форму организации массы рабов крупных частных и императорского хозяйств, соединить эти «разноплеменные толпы, поклоняющиеся чужим, или не поклоняющиеся вовсе никаким богам» (T a c., Ann., XIV, 44). В соответствии с представлением о доме как о маленьком государстве эта форма организации была найдена в коллегиях, возникших внутри фамилии. Особенно много таких коллегий было среди императорских рабов, но значительное число надписей указывает также и на коллегии в домах частных владельцев. Частично они носили профессиональный характер — объединяли рабов одной специальности, частично — характер коллегий погребальных и религиозных. В первом случае они, по видимому, развились из декурий, на которые подразделялись рабы в процессе производства. О таких декуриях говорит и Колумелла, упоминаются они и у Петрония в описании хозяйства Тримальхиона, и в надписях. В императорском хозяйстве такие коллегии встречаются во все века, в частных хозяйствах, судя по надписям, они появляются в основном в I в. Впоследствии, очевидно, уменьшение количества рабов в частных руках исключает возможность таких профессиональных объединений. Коллегии второго и третьего типа также чаще встречаются в I в., но они упоминаются также и во II и III вв.

¹ См. Е. М. Штаерман, ук. соч., ВДИ, № 2. 1949, стр. 64.

как для императорских, так и для частных домов. Очевидно, инициатором их возникновения был Август, позаботившийся о восстановлении культа ларов в соединении с культом своего гения; в то же время Ливия заботится о восстановлении и процветании культа Доброй Богини (*Вона Деа*). В правление Августа не только восстанавливаются и организуются коллегии, ведавшие общественным культом этих божеств, но, по свидетельству Тацита, во всех домах возникают организованные на манер коллегий объединения почитателей Августа (*cultores Augusti*) (Ann., I, 73). Как общественные, так и частные организации *cultores Augusti* имели смешанный состав из свободных, отпущенников и рабов. Это видно как из фаст этих коллегий¹, так и из обвинения против всадника Фалания, основанного на том, что он принял в коллегию своего дома мима Кассия (Тас., Ann., I, 73). Такое соединение рабов разных фамилий и свободных, к фамилии не принадлежавших, противоречило строгой организации прежней фамилии, так же, впрочем, как и участие рабов в культе гения императора. В республиканский период они исключались даже из культа гения своего господина и почитали только ларов. Из сочинения Катона Старшего явствует, что им не дозволялось и участие в культе других богов, кроме Сильвана². Культом ларов ведал сам господин или вилек за всю фамилию. Организация культа ларов при Августе отражает двойственность его политики в отношении фамилии, которую он не мог уже восстановить в первоначальной чистоте и строгости. Уже *Lex Julia* была вторжением государственной власти в сферу *pater familias*³. Сохранилось много свидетельств о том, что Август старался укрепить власть отца и господина, и вместе с тем именно при нем, по всей видимости, было положено начало глубоко возмущавшему «истинных республиканцев» обычаю, по которому раб и отпущенник могли искать убежища и защиты у изображения императора (Тас., Ann., II, 36; *Seneca, de Clem.*, I, 18). Это двойственное отношение императорской власти к фамилии, вначале лишь намечавшееся, постепенно, как мы увидим далее, становилось все более заметным.

Двойственно было и отношение к свободным коллегиям. В конце республики они стали могущественной организацией свободных из низших классов и рабов; борющиеся демагоги использовали их в своих целях, и это вызывало попеременно то их запрещение, то восстановление. Они были окончательно распущены при Цезаре и дозволены в реорганизованном виде Августом. Отныне свободные коллегии должны были служить главным образом воспитанию в низших классах преданности императору и послушания высшим. Из многочисленных надписей разнообразных коллегий мы знаем, что они постоянно отмечали праздниками, раздачами и жертвоприношениями всяческие юбилейные даты правящих императоров и своих патронов. Но вместе с тем правительство постоянно опасалось, как бы в эти организации не проник дух мятежа, недозволенных религиозных и политических учений. Поэтому разрешение на новые коллегии давалось не всегда, а иногда запрещались и старые. Более снисходительное отношение было к погребальным и религиозным коллегиям мелкого люда (*collegia tenuiorum*), которые, как мы увидим дальше, имели ряд точек соприкосновения с фамилией. Мне представляется, что одной из важных причин, по которой правительство все-таки терпело коллегии, было желание, организовав в них значительную часть населения, подчинить его

¹ *CIL*, I, 602; V, 3257; VI, 10286, 10287, 10288, 10395; X, 1582.

² Ср. также *Seneca, Aen.*, VI, 611, о запрещении древними пожертвований богам рабами.

³ Ф. Шенвиг, *Власть римского домовладыки*, 1914, стр. 75.

контролю через магистратов и патронов коллегий. Позже, в III в., как известно, коллегии начинают играть важную роль в государственной экономике и обвязываются разными поставками и повинностями. В первые же века они должны были скорее играть роль в идеологической организации населения. Домашние коллегии, состоявшие из рабов, не признавались законом как официальные, но в маленькой домашней республике они строились по тем же принципам и на тех же основаниях, что в государстве.

Возникнув при Августе, домашние коллегии, как я уже сказала, продолжали существовать и развиваться впоследствии. Они поощрялись господами, предоставлявшими им иногда средства к отправлению культа. По всей видимости, для рабовладельцев эти организации представляли двойную выгоду — они разделяли класс рабов и давали рабам интересы, отвлекавшие их от «опасных» размышлений. Надписи и свидетельства авторов показывают, что некоторая часть рабов достигала известного благосостояния. Источники его были разнообразны: управление господскими именьями, часто полномочное, ведение коммерческих дел господ, подарки, которые делали любимым рабам влиятельных лиц клиенты и просители, и, наконец, рабский пекулий. Мы знаем, что постепенно этот пекулий возрастал, число получавших его рабов увеличивалось, и раб, если не по закону, то по обычаю, получал все большие права на него. Конечно, разбогатевший раб, нередко имевший собственных рабов — викариев, резко отличался от своего сотоварища, работавшего где-нибудь на винограднике или на мельнице. И как богатому муниципалу предоставлялась возможность удовлетворить свои честолюбивые стремления и растратить свои деньги на прославление Рима и императора, проходя лестницу городских почетных должностей, так же и раб, разбогатевший или угодивший господину, мог получить почести в своей домашней республике. Т р и м а л ь х и о н, рассказывая свою биографию, упоминает о постоянных интригах, которые велись в фамилии за господские милости (P e t r o n., Sat., 57). Вероятно, борьба шла и за получение почетных мест в коллегиях¹, хотя формально в них соблюдалась известная «демократия». Решения выносились «с согласия декурионов» или «с согласия декурионов и фамилии» (CIL, VI, 10237, 10352, 10356, 9288, 9289 и др.). Только иногда упоминается и «разрешение господина» (CIL, VI, 7303, 22811). Насколько эти коллегии вошли в быт, видно из того, что в надписях иногда слова «фамилия» и «коллегия» выступают почти синонимами. Декурионы и фамилия выбирали квесторов, эдилов, квинквенналов, кооптировали новых декурионов; в этих коллегиях были также *honorati* и *immunes*, были даже и судьи². В своих надписях рабы сообщают о занимавшихся ими в коллегиях почетных должностях. Эдилы имели право издавать какие-то распоряжения, по крайней мере на пиру у Тримальхиона в отчете о различных событиях, происшедших за день на его землях и среди его рабов, зачитываются и *edicta aedilium* (P e t r o n., Sat., 53).

Частично эти коллегии были погребальными (CIL, VI, 9148, 9149, 10260—10264), но большее число надписей как частных, так и императорских рабов относится к коллегиям религиозным, созданным для культа гения и ларов господина, императора или частного владельца. Иногда

¹ Ниже приводится эпитафия спальника Панклита, который умер 20 лет, имея различные почетные должности в своей фамилии-коллегии. Вероятно, предоставление из такому молодому рабу было вызвано особым пристрастием к нему хозяина.

² Например, надпись из Рима: *Panclis cub(icularii) aed(ilis) et ex d(ecreto) d(ecurionum) pro mag(istro) i(ure) d(icundo) ossa hic sita sunt. In sua aed(ilitate) dec(urio) lectus est et ei aes a familia conlatum est. In mag(isterio) mortuus est annorum natu XX* (CIL, VI, 9289).

они посвящались Сильвану или Гераклу¹. Но большей частью в среде императорских рабов это были коллегии почитателей ларов отдельных имений (CIL, IX, 3987, VI, 455, 10268, 10267 и др.) или ларов и изображений правящего императора (CIL, VI, 471, 958 и др.). Наиболее полно засвидетельствована *collegium magnum Larum et Imaginum* императора, которая представлена в надписях с середины I до середины III в., причем она была, видимо, распространена по всей империи, так как ее надписи встречаются и в Риме (CIL, VI; 671, 692, 10252—10254, 1371), и в Италии (CIL, XIV, 2045), и в дунайских провинциях (CIL, III, 4038, 8829) и в Эфесе (CIL, III, 6077). Соответственно в частных домах это были почитатели изображений господина (CIL, IX, 2654), его ларов², его гения (CIL, IX, 6320), ларов и гения (CIL, III, 1980; XI, 957) или ларов фамилии (CIL, X, 8067). Так разноплеменные рабы объединялись в одном истинно римском культе ларов, гения и изображений — *imagines* (портретов предков), т. е. рода своего господина. Гений господина был для раба так же священен, как для свободного гений императора. Мы знаем многочисленные надписи, посвященные рабами гению господина; раб клялся этим гением (*Seneca*, Ep. 12); Тримальхион распял раба, оскорбившего его гения (*Petrone*, Sat., 53). Главой сельской фамилии при ее жертвоприношениях за благо господина нередко выступал вилик, в одном случае в надписи из района Мактариса назван *princeps familiae* (*Cagnat*, 107).

По мере роста вольноотпущенничества отпущенники включаются в эти же домашние коллегии. Для господина было крайне важно сохранить с отпущенниками экономическую и идеологическую связь. Она была закреплена законом и обычаем. Еще в одном из изречений Публия Сира «честный отпущенник» назван «сыном помимо природы» (*Probus libertus sine natura est filius*). Отпущенник был обязан определенными работами в пользу патрона, он должен был помогать ему в случае нужды, содержать обедневшего патрона, оставлять ему определенную часть имущества по завещанию, быть к нему почтительным, не подавать на него в суд и не давать против него показаний. Разорвавшиеся представители римской, а затем и муниципальной аристократии стремились привязать к себе это наиболее производительное, а часто и богатое сословие. Вольноотпущенники входят как неотъемлемая составная часть в домашние коллегии. Нередко они делают этим коллегиям богатые подарки в виде алтарей, статуй или даже земель, с доходов от которых коллегии совершали жертвоприношения и ритуальные трапезы. Они занимают в этих коллегиях различные почетные должности; формула *liberti et familia* становится постепенно обычной, так же как и формула эпитафий II в., по которой гробница принадлежит господину, его семье, его отпущенникам и их потомкам и отпущенникам, чтобы никогда она не вышла из владения рода. По мере развития взгляда на отпущенников как на членов рода необходимых, полезных и почтенных, меняется и отношение к ним. Писатели I в. постоянно избирали их мишенью своих насмешек, напротив, Плиний Младший не только считает неуместным унижать отпущенников, подавая им за столом худшую пищу и вино (Ep. II, 26), но в высшей степени одобряет деда своей жены Фабата, который, отпустив сначала большое число своих рабов *inter amicos*, оформил затем их освобождение в присутствии претора. «Я хочу, — пишет Плиний, — чтобы наша родина богатели во всех отношениях, особенно же количеством граждан. Ибо это наипрочнейшее украшение города» (Ep. VII, 32).

¹ См. Е. М. Штаерман, ук. соч., ВДИ, 1949, № 2, стр. 60 сл.

² CIL, II, 174; III, 1980; V, 4340; VI, 261; IX, 2481; XII, 2677; XIII, 1747.

Неизвестно, входили ли в домашние коллегии клиенты¹, но во всяком случае, как мы знаем из надписей и из сочинения Цензорина, они считали своим долгом почитать гения своего патрона. По мере роста колоната, очевидно, и колоны включались в домашние культовые коллегии, что должно было упрочить их связь с землевладельцем и патроном. Об этом говорит, например, интереснейшее место из Феста, который называет инквиллина почитателем того же очага или того же места². В надписи 227 г. один колон называет себя членом упоминавшейся выше *collegium magnum* (CIL, VI, 33840), другой колон — членом семейной коллегии в каком-то Тиранианском имении (CIL, IX, 3674, 3675).

Один из канонов (XL) состоявшегося в первых годах IV в. Эльвирского собора запрещает землевладельцам-христианам при расчете с колонами засчитывать затраты, произведенные ими на жертвы «идолам». Здесь скорее всего имеются в виду те же лары и гении; очевидно, хозяева-язычники, чтобы поощрить колонов к этому культу, жертвовали на его нужды часть причитавшейся им арендной платы. Насколько неотъемлемой частью фамилии были эти боги, видно из следующего канона того же собора, по которому господину рекомендуется, по возможности, не держать в доме «идолов», но если он будет вынужден к этому страхом перед насилием со стороны рабов, то пусть старается соблюдать хоть свою собственную чистоту. Характерно, что юридическая формула, запрещавшая расточительному хозяину пользоваться своим имуществом (III в.), гласила, что он отлучается от дел и от ларов (*P a u l.*, *Sent.*, III, IV, 7). Лары не только защищали права господина, но были и прибежищем и заступниками рабов. Самое основание их культа приписывалось сыну Лара и рабыни Сервию Туллию, признанному покровителю рабов и простого народа: к ларам и пенатам бежал разгневавший господина раб (*S e r v.*, *Aen.*, II, 512—514); Ю в е н а л говорит о жестоком господине, внушающем ужас и отвращение ларам (*Sat.*, XIV, 20). Гении, лары и пенаты переживают всех языческих богов, и культ их отменяется только Феодосием. Под защиту этих божеств ставят себя все лица, зависящие от господина фамилии.

Так укрепляется и расширяется фамилия, дом, имение как единое социальное и экономическое целое. В законах мы видим стремление сохранить его как таковое. Если господин переводил раба в другое имение или отсылал его учиться, то после смерти владельца раб возвращался на старое место и, вместе со всей фамилией и виллой, переходил к наследнику (*P a u l.*, *Sent.*, III, 6, 34, 47, 52), так же как и колон, приписанный к данному владению (там же, 48). В длинном перечне наказаний, которым подвергаются свободные женщины, вступившие в связь с рабами, только отпущенница, избравшая мужем раба своего патрона, не терпела никакого ущерба, «так как видно, что она не хотела изменить дому господина» (*P a u l.*, *Sent.*, II, 21, 11). П л и н и й М л а д ш и й разрешал своим рабам делать завещания, если они изберут наследников из числа фамилии, и именно по этому случаю формулирует свой взгляд: *nam servus respublica quaedam et quasi civitas domus est* (*Ep.*, VIII, 16). Даже два раба по закону считались уже фамилией, и, если ее имущество расточалось, закон вмешивался, так как фамилия оберегалась не только как социальное, но и как экономическое целое, не только как сумма людей, но и как сумма богатств. Говоря об эдиктах императоров II в. в пользу рабов, юристы

¹ Это позволяет предполагать надпись из Ламиния в Испании: *Alliae M. f. Candidae curante Licinia Macedonia matre colleg[ii...] anensem clientes et liberti patronae posuerunt* (CIL, II, 3239).

² См. Е. М. Штаерман, ук. соч., ВДИ, № 2, 1949, стр. 63.

разъясняют, что никому не разрешено неразумно распоряжаться своим достоянием или доводить жестокостью рабов до насильственных действий. Мотивы гуманности имеют обычно лишь значение идеологического оформления этих практических соображений (G a i., Inst., I, 52—55; U l p., de off., VIII). Вероятно, теми же соображениями вызваны позднейшие запрещения продаж, дарением или завещанием расторгать семьи рабов, которые если не законом, то обычаем давно уже были признаны. К этому же комплексу можно отнести закон, который разрешал находящемуся во власти отца солдату свободно завещать свой *peculium castrense*, кроме входящей в его состав земли, которая в случае смерти солдата возвращалась его отцу, оставаясь, таким образом, в семье. Эта растущая связь раба и фамилии с имением, где он родился или где фамилия издавна числилась, сказалась в том, что коллегии-фамилии начинают называться иногда не по имени господина, а по имени виллы, где они были образованы. Во II—III вв. расширяется культ Сильвана, покровителя земельных угодий, и особенно резко возрастает число посвящений гению места, а не личному гению (здесь сказалось и влияние провинций, где территориальное деление всегда было важнее фамильного). Этот процесс сливается с усиливающимся прикреплением к земле колонов и общим развитием учения об *origo*. Так рабы, отпущенники, колоны, клиенты сплачивались в фамилию-коллегию — миниатюрную республику со своей постоянной территорией, со своей иерархией имущественных различий и почетных должностей, со своим патроном и господином, со своим культом гениев и ларов, личных и территориальных. Этим отчасти подготовлялось создание крупных экстерриториальных сальтусов, содержащих в зародыше многие черты будущего феодального поместья¹.

Но многие силы и процессы, способствовавшие расширению и укреплению фамилии крупных владельцев, разрушали ее у более мелких собственников. В этом направлении действовало, во-первых, уменьшение числа рабов, рост вольноотпущенничества, достижение рабами некоторой экономической и семейной независимости. Не говоря уже о вольноотпущенниках, многие рабы, получив свою землю, лавку, мастерскую, жили почти самостоятельно. Так возникают многочисленные, странные на первый взгляд случаи, когда требуется специальное судебное разбирательство, чтобы установить, было ли определенное лицо рабом или свободным; человек даже сам мог находиться в заблуждении относительно своего статуса, вступать в брак, заключать сделки, считая себя свободным, тогда как на деле он являлся рабом. В одном рескрипте Диоκληтиана говорится о рабах, которые становятся свободными и гражданами, если они 20 лет подряд пользовались свободой на законных основаниях (C I, VII, 22).

Такой самостоятельно живший раб терял связь со своей фамилией и вступал в религиозную, погребальную или профессиональную коллегию свободных. Там его права пользовались некоторой защитой, как видно из устава коллегии Антиноя и Дианы от 436 г. (C I L, XIV, 2112). Господин не имел права на его вклад в коллегию, и если он отказывался выдать труп раба для погребения, то сочлены устраивали покойнику символические похороны. Закон, покровительствовавший коллегиям мелкого

¹ Это, между прочим, отразилось и в одном из определений Ульпиана, данном фамилии, к которой он относит не только сыновей и рабов, но и лиц, находящихся у главы семьи на службе, будь то свободные или чужие рабы (Dig., XXI, 1, 25). In potestatem поступали и выкупленные у врагов пленные, которые до внесения ими выкупа содержались выкупившим на положении, близком рабам (Dig., XXVIII, 1, 20). Таким образом, фамилия включала все большее количество лиц, зависимость которых от ее главы осмысливалась по нормам, привычным для рабовладельческого общества, приобретаая, однако, уже несколько иное содержание.

люда, разрешал рабам вступать в них с согласия господ (Dig. 47, 23, 3, 2). Здесь, вероятно, преследовалась та же цель, что и при организации коллегий в фамилиях, т. е. отвлечь рабов и низшие классы свободных комедией почетных должностей в этих коллегиях; усилить преданность императору, дни рождения и воцарения которого они справляли общими трапезами и жертвоприношениями, и удовлетворить их религиозную потребность в пределах привычных и надежных культов, близких к фамильным. Не надо забывать, что всякие новые религиозные учения, магия, колдовство всегда были страшны и правительству в целом и каждому отдельному рабовладельцу: они приравнивались к попыткам возмутить народ. Если свободный советовался с магом о жизни императора, а раб — о здравии господина, если кто-нибудь вводил «новые суеверия» или пытался подстрекнуть народ к мятежу, он безоговорочно приговаривался к смертной казни на арене или на кресте (P a u l., Sent., V, XXI, 1—3). Любопытно, что непосредственно за наказаниями по этим преступлениям рассматриваются наказания за уничтожение при волнениях межевых знаков: рабы ссылались в рудники, свободные из низших сословий — на общественные работы, из высших — на острова (P a u l., Sent., V, XXII, 1—2). Возможно, что уничтожение межевых знаков иногда являлось результатом агитации представителей некоторых сект и учений, которые, как некоторые гностики и крайние киники, стояли на точке зрения общности имущества. Тем более важно было правительству рабовладельцев, чтобы рабы, которые отрывались от своих фамилий или, вследствие малочисленности этих фамилий, не имели там домашних коллегий, находили им некоторую замену в коллегиях «мелких людей». И, действительно, эти *collegia tenuiorum* избирали обычно культы, близкие к домашним. Их покровителями были Сильван, во многом почти отождествлявшийся с ларами, различные гении, Геракл, Меркурий, Фортуна, также близкая к домашним божествам и через своего возлюбленного царя Сервия Туллия сближавшаяся с ларами¹.

Если фамилии многое заимствуют у коллегий, то, как было подмечено уже Кулаковским², *collegia tenuiorum* заимствуют кое-что от фамилии. Они иногда принимают общее, как бы родовое имя, например, в одной надписи: *Benedicto. Hoc nomen inposuerunt sodales sibi et suis posterisque eorum* (CIL, VI, 2279). Другая коллегия называет себя *cognatio* (CIL, III, 8675); многие носят такие имена, как *Eusebiorum* (CIL, VI, 3497, 8513, 10276), *Fructuariorum* (CIL, VI, 10275), *Simpliciorum*, члены последней коллегии известны в Риме (CIL, VI, 3324) и в Африке (D. ép., 1933, № 57) и др. В некоторых коллегиях употребляются наименования «отца», «матери», «сестер», «братьев». Патрон, в некотором смысле, заменяет *pater familias*. Коллегия плотников в Риме называет себя фамилией³.

Однако удерживать рабов в этих рамках не удавалось. Давно прошли те времена, когда раб не смел сам обращаться к богу. В посвячительных надписях рабов времен империи, помимо обычных для рабов божеств, как Сильван, *Vona Dea*, *Mens Vona*, Ферония, Фортуна, Либер, Фавн, Приап, встречаются также почти все остальные римские и восточные боги. Культы этих последних проникали даже в домашние коллегии; одну из них составляли рабы — почитатели Исиды (CIL, II, 3730), другую — почитатели книдской Венеры (CIL, VI, 4872); рабы входили в митраистские коллегии, приносили жертвы Эскулапу Пантею (вероятно, главному богу герметистов

¹ См. Ф е с т, s. v. *Servorum dies*; О в и д., *Fast.*, VI, 570 сл., 770—785.

² Ю. Кулаковский, *Коллегии в древнем Риме*, Казань, 1882, стр. 55.

³ CIL, VI, 9409: *M. Allius Apollonius faber tignarius mag(ister) in fam(ilia) prae-f(ectus) dec(urio)*.

(Merlin, 868), Исида тысячеименной (CIL, V, 5079, 5080), Юпитеру (CIL, VI, 4024; XI, 6312; XIII, 310 и др.), солнцу и Митре (CIL, VI, 3719, 721, 744, 774; VIII, 9256) и другим. Так экономическая эмансипация сопровождалась идеологической; фактически рабы принимали участие в разнообразных религиях и философских школах. В *collegia tenuiorum* и культовых организациях они все больше сближались со свободными из низших классов, что впоследствии облегчило совместное выступление тех и других против общих угнетателей.

Известно, что еще при казни рабов Педания Секунда римский народ был готов возмутиться; в конце II и в начале III в. рабы и свободные составляют вместе разбойничьи банды, которые грабили богатых и щадили или даже награждали бедных ремесленников. Марк Аврелий запретил во время спектаклей освобождать рабов по требованию народа (Cod. Iust., VII, II, 3), так как, очевидно, такие случаи бывали нередко. Гай пишет, что освобождения, произведенные под влиянием угроз толпы, не считаются действительными. Возможно, что первым отражением сознания общности интересов свободной бедноты и рабов служит интерпретация функций Сервия Туллия и Фортуны как покровителей рабов и низших свободных; впоследствии это сказалось в развитии среди свободных культа Сильвана и, что самое важное, в развитии нового отношения к труду среди христиан, киников, почитателей Геракла, включавших и рабов, и свободных.

Другим фактором, влиявшим на ослабление фамилии, было двойственное отношение к ней императорского правительства. Как я уже говорила, оно наметилось еще при Августе. Сочинения юристов II и III вв. как будто свидетельствуют о стремлении сохранить фамилию. В них разрабатывается учение о власти отца и господина, об обязанностях отпущенников, детей и рабов. Из одной надписи мы можем заключить, что при Септимии Севере восстанавливаются пришедшие в упадок среди его рабов коллегии почитателей ларов и изображений императоров (Fontes, III, 76). Возможно, что это стояло в связи с ростом числа императорских рабов вследствие конфискации и уходом их в разбойничьи отряды, что приводило к необходимости организовать их более прочно. Об этом говорит и надпись из Африки в честь Александра, Маммеи и gens Septimia Aurelia (Аер., 1913, №120). Вообще после династии Юлиев-Клавдиев род императоров перестал быть предметом особого культа, который воздавался теперь каждому императору индивидуально. Возможно, что при Северах делались попытки восстановить родовые культы в связи с укреплением фамилии и ее божеств¹. Быть может, в этом смысле надо понимать и введение Каракаллы к его знаменитому эдикту. Он говорит, что желает дарованием всеобщего римского гражданства дать новых почитателей богам. Это место вызвало недоумение современных исследователей, так как римские боги к тому времени давно уже почитались peregrini. Только лары оставались достоянием Рима и римской фамилии. Может быть, их-то и имел в виду Каракалла. Возможно, что с этим связано и известное из надписей распространение в III в. на окраинах империи культа Vives, Trives, Quadrives, соответствовавших lares campitales, а также развитие культа гениев и учения о них (Апулей, Цензорин). Значение фамилии старается поднять и Диоклетиан, говоря о ее чистоте, о связующей ее членов pietas, причем при нем, как и при Августе, эта тенденция сопровождается возвеличиванием римской старины и римской религии.

Однако многие мероприятия императоров действовали в прямо противоположном направлении. Не говоря уже о вмешательстве магистратов

¹ В Аввилее также упоминается коллегия Septimiorum Aureliorum (CIL, V, 4012), значит, этот культ был повсеместным и официальным.

в случае жестокого обращения с рабами и фактического уничтожения права *pater familias* бесконтрольно карать своих рабов и детей, рабы постоянно использовались как свидетели и доносчики в борьбе императоров с неугодными им магнатами. Диоклетиан, выколачивавший средства из населения всеми возможными способами, разрешает допрашивать рабов и отпущенников не только по делам о государственной измене и заговорах, но и в случае претензий фиска к господам и патронам, когда возникало подозрение, что они неправильно указали размеры своего имущества (*Cod. Iust.*, IX, 41, 15). Все обещания «хороших» императоров отказаться принимать доносы и показания рабов ни к чему не привели. Особенно расширились фактические права и независимость отпущенников. Во всех спорных случаях закон высказывался определенно: раз данная свобода не может быть вновь отобрана (например, *CI, II, 31, 1* и др.). Если в I в. господин мог вернуть в рабство отпущенного *inter amicos* и, таким образом, как бы испытать либертина в этом промежуточном состоянии, то в III в. это право у него отнимается. Категория *manumissi inter amicos* отличается от прочих только большими стеснениями в имущественном отношении в пользу патрона (*S c a e v.*, *fragm.*, 5, 6). При все растущей нехватке рабочей силы и общем разорении правительство старается охранить благосостояние богатых и деятельных отпущенников и привлечь их к себе, продолжая, таким образом, политику Августа, создавшего для этой цели севира. Постепенно уменьшаются права патронов на их труд (*Cod. Iust. VI, 3; I, 2, 7*) и на долю в завещании. В дунайских провинциях, где рабов всегда было меньше, встречались отпущенники, занимавшие, несмотря на формальное запрещение законом такой практики, городские магистратуры (*CIL, III, 1079, 1820*).

Во времена империи фамилия переживает значительные изменения по сравнению с фамилией республиканской. Страх рабовладельцев перед рабами, растущая нерентабельность рабского труда, некоторая экономическая и идеологическая эмансипация рабов заставляют господствующие классы искать новых путей отвлечения рабов от попыток пассивного и активного сопротивления. В больших хозяйствах эти миниатюрные республики постепенно включают в себя всех лиц, попадающих в зависимость от их главы, что облегчает возникновение и развитие экстерриториальных салтусов.

В мелких хозяйствах рабы постепенно порывают связи с фамилией и смешиваются со свободными, привнося в их организации и идеологию кое-что от себя и заимствуя многое от них. Это облегчило совместные выступления рабов и свободных в движениях, начавшихся с конца II в.

На всех этих примерах можно проследить единство политических методов римского господствующего класса в отношении всех угнетенных и подчиненных слоев населения, начиная от провинциалов и кончая рабами. Из них видно также, как эти методы неоднократно приводили к неожиданным результатам, терпели неудачу под влиянием развития кризиса рабовладельческого общества. Наконец, они показывают всю необоснованность представлений буржуазных ученых о каких-то чисто гуманных идеях, руководивших действиями рабовладельцев, проникшихся стоическим, а позже христианским учениями, тогда как на деле возникновение и распространение этих идей было лишь отражением одной из попыток обеспечить повиновение рабов господину и свободных принцепсу.

